

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Философия. Политология. Культурология. Том 4 (70). 2018. № 1. С. 155–167.

УДК 008+27.528+264-1+821.161

АКРОСТИШНАЯ МОЛИТВА «АЗЪБУКОВНИКЪ» В КОНТЕКСТЕ ЛИТУРГИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

Бедина Н. Н.

*Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова, г. Архангельск,
Российская Федерация.*

E-mail: bedina-nat@yandex.ru

Общие богословские характеристики христианского богослужения – эсхатологичность и соборность – изначально определяют ключевые свойства хронотопа богослужебного текста. Любой чин богослужения, в том числе и частное, индивидуальное моление, несет на себе печать «Таинства собрания», где принцип «со-служения» имеет эсхатологическую перспективу. В статье поставлена задача выявить, как ключевые свойства хронотопа богослужебного текста находят воплощение в оригинальном славянском гимнографическом тексте – покаянной молитве «Азъбуковникъ», входящей в состав Ярославского часослова (XIII в.). Формирование состава сборника относится к периоду, знаменующему начало славянской гимнографии, когда оформляется ее преемственность по отношению к восточнохристианской литургической традиции. Акrostишное строение молитвы «Азъбуковникъ» имеет внутреннюю семантику целостности и полноты. Универсальный образ книги, где запишутся имена праведников, символ трансцендентной тайны, оформляет эсхатологическую направленность молитвенного текста. Он же определяет кумулятивное строение его сюжета. В традиции всей восточнохристианской гимнографии внутренний сюжет «Азъбуковника» выстроен на приеме перечисления, комбинирования молитвенных формул, что, как справедливо указывает С. С. Аверинцев, «создает особую «космическую» перспективу». Молитвенный диалог с Богом осуществляется в универсальном хронотопе, где и прошлое, и будущее есть настоящее. Литургическая эсхатология находит воплощение в конкретном молитвенном тексте, независимо от общественного или частного характера богослужения.

Ключевые слова: восточное христианство, эсхатология, литургия, гимнография.

ВВЕДЕНИЕ

Литургическое слово в средневековой культуре, безусловно, являлось механизмом трансляции христианского мировоззрения. Обращаясь к традиции богослужения и служебным текстам, мы не ставим перед собой задач, присущих литургическому богословию (они выходят за границы нашей компетенции). Однако обращаясь к текстам средневековой гимнографии, нам необходимо сформулировать общие характеристики христианского богослужения, изначально определяющие ключевые свойства хронотопа богослужебного текста, – литургический

эсхатологизм и соборность. Опираясь на структурно-семиотический и интертекстуальный методы анализа, мы ставим перед собой задачу выявить, как эти ключевые свойства находят воплощение в оригинальных славянских гимнографических текстах на примере покаянной молитвы «Азбуковник», входящей в состав Ярославского часослова (XIII в.) – сборника, определяющего суточный богослужебный круг¹.

БОГОСЛОВСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ЛИТУРГИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА

Через выявление особенностей раннехристианской литургии, отличающих ее от современных ей иудейского богослужения и мистерий эллинского мира, протопр. Александр Шмеман определяет ее назначение «быть явлением эсхатологической полноты Царства, предвосхищением «дня Господня»» [2, с. 124]. И далее: «Если в ветхозаветном богослужении объединяющим принципом является идея посредничества, то в мистерии на первом месте стоит идея освящения. Через участие в мистерии человек освящается, посвящается в высшие тайны, получает спасение, приобщается «святости». По своей форме мистерия есть религиозно-драматическое, ритуальное изображение и воспроизведение некоего мифа, некоей «драмы спасения». <...> Христианский культ, напротив, не переживается как повторение того спасительного факта, в котором он укоренен, ибо факт этот единственный и неповторимый. Этот культ есть провозглашение спасительности этого факта и также осуществление, явление, актуализация его вечной действительности, спасительной реальности, им созданной. “Смерть Господню возвещать, воскресение Его исповедовать” – это совсем не равнозначно повторению или изображению» [2, с. 122–125].

Истинный замысел христианского богослужения, по мнению православного богослова, состоит «не в символическом, а в реальном исполнении церкви: новой жизни, дарованной во Христе» [2, с. 130]. Поэтому, в отличие от мистериального культа, литургия не изображает, не повторяет, а осуществляет. Это не система символов, а возможность: в богослужении церковь «воплощает свое причастие Царству Божьему, дает нам созерцать тайны будущего века».

Постепенно литургическое время приобретает иконические черты. Дэвид Брэдшоу видит в Восточной литургии особый «способ переживания времени, когда оно рассматривается как икона, образ вечности» [8, с. 78; 10]. Вечность именно «переживается» как настоящее, потому что, говоря словами Максима Исповедника, «ни время, ни век Бог посередине не разрывает, так как в Нем нет ничего нового, но будущее есть как настоящее. Времена же и века суть указания не для Бога, но для нас – сущих в Боге» [19].

В результате синтеза раннехристианской и мистериальной традиции церковь частично усваивала мистериальное понимание культа. Богослужение (прежде всего праздничное) стало восприниматься как «прорыв» в инобытие, как причастие к реальности, ничем не связанной с «миром сим» [2, с. 200–201]. Имея в виду уже

---

¹ Ярославский историко-архитектурный музей-заповедник, библиотека, № 15481. Часослов. XIII в.

этот опыт, отраженный в святоотеческом богословии, Дэвид Брэдшоу говорит о литургии как о «мистическом опыте»: «оно (мистическое – Н. Б.) принадлежало именно к тому роду событий и отношений, который олицетворяется Преображением: речь идет об использовании Богом чувственных вещей не только для того, чтобы явить высшую реальность, но и для того, чтобы ввести присутствующих в общение с этой реальностью. Именно потому, что мистическое есть форма общения, оно в этом смысле оказывается не типично приватным, но реализуется в публичном пространстве, через посредство обычных человеческих чувств. Коротко говоря, оно есть инициация в божественную реальность и, как всякая инициация, является внутренне общинным, даже если (как это иногда случается) причастный к мистическому человек вступает в него отдельно от других людей. <...> Называть Евхаристию “тайной (мистической) вечерей”, а Литургию, во время которой освящают и совершают Евхаристию, “мистическим обрядом” означает не злоупотреблять языком, но воспроизводить древнейшее христианское словоупотребление. Фактически оно присутствует внутри самой Литургии. В молитвах, читаемых общиной сразу после причащения, о Евхаристии говорится так: «Вечери Твоя тайныя днесь, Сыне Божий, причастника мя приими; не бо врагом Твоим тайну повем, ни лобзания Ти дам, яко Иуда, но яко разбойник исповедаю Тя: помяни мя, Господи, во Царствии Твоем»» [7, с. 115–116, 119].

Митр. Иларион (Алфеев) также определяет «ценность» богослужения как мистерии, прежде всего, в его способности ставить человека перед лицом Бога: «каждая Литургия дает возможность <...> заново пережить встречу с живым Богом» [15]. Причем эта встреча естественным образом вовлекает Самого Бога как того, Кто слушает и (через чтение Писания) речет, и совершается с участием ангелов, «сослужащих нам, и сославословящих» Его благость [24, с. 71].

Иконическая природа литургии, оформившейся в византийской церкви, безусловно, находит яркое выражение в идее храма, где архитектура и декор в течение столетий складываются и развиваются как символическое отображение «неба на земле» [28; 7, с. 121; 2, с. 130–135; 9; 18; 23; 34]. Однако «византийский синтез» (о. Александр Шмеман) не порывает с раннехристианской традицией и не перерождает ее исходя из интересов и привычных представлений той массы новообращенных, что хлынула в Церковь вслед за ее официальным признанием Империей [2, с. 127–130]. Говоря с «миром» на понятном ему мистериальном языке, византийская богословская и литургическая традиция сохраняет изначальный эсхатологизм раннего христианства, но уже в иконическом понимании литургии (неслучайно и сама икона, священный образ как следствие Боговоплощения, не изображает, а являет [33]). Временная организация всего цикла богослужений, внутренняя логика литургии говорят о том, что она сохранила свой основной характер как выражение и актуализация «невечернего дня Царства» [2, с. 141–142]. Идея диалога, предстояния пред Лицом Божиим и эсхатологической полноты Богообщения определяет эсхатологический хронотоп любого служебного текста, как словесного, так и визуального.

РОЛЬ МОНАШЕСТВА В ОФОРМЛЕНИИ ЛИТУРГИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

Важнейшую роль в сохранении преемственности в литургической традиции, безусловно, сыграло появление монашества как социального института. Монашество стало эсхатологическим ответом наиболее ревностной части христиан на «обмирщение» в осмыслении жизни Церкви. Именно в органической связи с раннехристианской литургией протопр. Александр Шмеман видит основание исключительного значения молитвы в монашеском идеале, но «если в первом, раннехристианском понимании, всякое дело может стать молитвой, служением, созиданием и свидетельством о Царстве, то в монашестве она сама становится единственным делом, заменяет собою все “дела”» [2, с. 158]. Монашеское аскетически-покаянное восприятие богослужения определяет основное содержание Православного богослужебного устава. Покаяние онтологически эсхатологично, но в этом случае можно говорить уже об «индивидуальном эсхатологизме», присущем монашеской культуре.

Если в Византийской истории устава наблюдалось временное противостояние соборного и монастырского богослужения, в результате синтеза которых оформилась богослужебная часть Студийского, а затем Иерусалимского устава, то в более поздней русской литургической традиции соборно-приходское богослужение полностью является производным по отношению к монастырскому. Литургическое творчество славянских книжников (в силу наследования славянами Восточной литургии из Византии) в целом ограничивалось компилятивной работой с уже имеющимися текстами, которая шла в соответствии с общим законом литургического развития: от простого к сложному и от разнообразия к единообразию [6, с. 120 и др.]. Вместе с тем оригинальные восточнославянские тексты, вошедшие в гимнографическое «обрамление» литургии в годовом и суточном круге богослужения, в большинстве своем рождены внутри монастырской традиции и полностью вписаны в универсально-эсхатологический хронотоп Богообщения. Эсхатологическое время, когда «будущее есть настоящее», и публичное пространство «инициации в божественную реальность» в полной мере восприняты восточнославянскими книжниками от литургической традиции православного Востока.

Чтобы еще раз подчеркнуть значение соборной личности как участника Богообщения, приведем слова протопр. Иоанна Мейендорфа: «Тайна Церкви, в полноте своей осуществленная в Евхаристии, преодолевает дилемму молитвы и отклика, природы и благодати, Божественного как противоположности человеческому, потому что Церковь как Тело Христово есть именно общение между Богом и человеком, где не только Бог присутствует и действует, но где и человечность становится вполне «приемлемой для Бога», вполне отвечающей первоначальному Божественному плану; сама молитва становится тогда актом общения, в котором нет места вопросу о том, будет ли она услышана Богом. <...> все христиане – включая епископа или священника, – порознь не более чем грешники, чьи молитвы вовсе не обязательно будут услышаны, но, собираясь вместе во имя Христова как «Церковь Бога», они суть часть Нового Завета, которому Бог вечно Сам верен через Своего Сына и Своего Духа» [16].

Любой чин богослужения, в том числе и частное, индивидуальное моление, несет на себе печать «Таинства собрания» [3, с. 6; 35], где принцип «со-служения» имеет онтологическую перспективу.

АЗБУЧНАЯ МОЛИТВА КАК ОБРАЗЕЦ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ ЛИТУРГИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ

Для ранней русской культуры гимнография является высшей формой художественного творчества – литургической поэзией [22]. Тексты, обрамляющие богослужебный круг, входящие в гимнографические сборники XII–XIV вв., – это тексты, знаменующие начало древнерусской гимнографии, где оформляется ее преемственность по отношению к восточнохристианской литургической традиции, а также ее оригинальные черты. В Ярославском часослове оригинальные русские тексты входят в состав последований, имеющих явно частный, келейный характер. «Азбуковникъ» в составе Ярославского часослова читается (поется) среди гимнов, завершающих чин Повечерья (лл. 207–210):

- Пѣние Тому ж, азбуковникъ
А Азь Тебе припадаю, Милостиве,
грѣхы многими одержимъ.
Б Буря мя грѣховная потапливаетъ,
но въ Твою тишину настави мя.
В В нощи и въ дне мя съхрани,
на всякъ часъ въспѣвати Тебѣ.
Г Грѣховныя ми волны утоли,
ими же грузимъ вопию Ти.
Д Десницу ми простри, Милостиве,
яко же Петру, волнами грузиму.
Ж Житие бо свое въ мрацѣ иждихъ,
но Твоими мя щедротами просвѣти.
С Зѣло бо еси Христе милостив,
долготерпѣливъ и прѣмилостивъ.
З Заблужьшаго приими мя, Христе,
яко же приялъ блуднаго сына.
И Избави мя изъ глубины грѣховныя,
яко же Иону от кита, Христе.
І Иезекиины ми слезы даруи,
Ими же очищу скверныя ми грѣхы.
Г' Геоны (?) и мя избави вѣчныя
и грозныя червы неусыпающа.
К Ковникъ² дьяволь блазнить мя,
нъ во Твое стадо причти мя, Христе.
Л Ловьца диявола избави мя
молитвами рожьшая Тя.
М Мытарю уподобяся, вопию Ти:
очисти мя, Христе, яко и оного.

---

² Замышляющий зло [30, Стб. 1244].

- Н Нощью мя на пѣние укрѣпи,
тяготу сонъную отгнавъ ми.
- О Очи мои просвѣти, Милостиве,
сердце чисто съзижи въ мнѣ.
- П Простери ми десницу, Милостиве,
уязвену сущю разбоиникы.
- Р Руцѣ мои въздѣю к Тебе, Христе,
грѣховными стрѣлами уязвень.
- С Свѣдыи немощи моя, Христе,
ицѣли мя, Владыко, недостойнаго.
- Т Трепетомъ объдержимъ, вопию Ти,
помышляя, Христе, страшныи часъ.
- У Упостась³ бо си осквернихъ злѣ,
но покаянию слезы ми подаи жь.
- Ф Фарисѣвы мя гордыня избави,
мздоимъче ми дая рыдание.
- Х Хѣровимъскую пѣснь въспѣвати Тебе,
Тресвятыи Боже, сподоби.
- Ѓ О Пресвятая Троице, помилуй
недостойнаго Твоего раба.
- Ѳ Пѣсньми Ти пою, припадая,
просвѣти ми душу и умъ, Спасе.
- Ц Царю небеси и земля, Христе,
отверзи ми двери вѣчныя жизни,
- Ч Чиномъ мя причти, Милостиве,
избранныхъ Твоихъ овцахъ.
- Ш Шествия мя направи на путь Твои,
от устъ золь окланяя мя.
- Ы Иного бо не свѣмъ развѣ Тебе,
милостива суща и прѣмилостива.
- Ѣ Яко сый родом милостивъ Богъ,
Отець и Сынъ и Святыи Духъ.
Хвалами Тя прославлю, Прѣсвятая
Живодавице Честъная Троице,
- Ю Юже поють шестокрилнии
начальныя, власти же и силы.
- Ж Юже, конъчевая молебную пѣснь,
въпию к Тебѣ, Святая Троице.
- Я Языкомъ и умомъ Тя славлю,
въ три Лица суще Божество едино.
Тебе бо лѣпо есть чьсть и поклоняние
во вся вѣкы вѣкомъ. Аминь.⁴

---

³ Существо, сущность, основание [31, Стб. 1242 –1243].

Ярославский «Азбуковникъ» – это облеченная в форму азбучного стихотворения покаянная молитва. В более поздних списках эта молитва так и называется: «Азбука покаяльная». В отличие от других известных нам более ранних акростишных произведений [14, с. 308–316; 27, с. 177–178; 29, с. 2–3; 32, с. 333; 36], «Азбуковникъ» и в содержательно-эмоциональном плане, и в плане композиционном (исповедание + прошение, в конце – славословие) идет в русле покаянной молитвенной практики. В этом отношении стихотворение очень органично вписывается в Ярославский часослов с его сугубо покаянным настроением. Более того, «Азбуковникъ» нисколько не выбивается из общего хода службы повечерья и является ее естественным продолжением, хотя отсутствует в общецерковной практике.

«Азбуковникъ» изображает человека, «уязвленного» грехом, гибнущего и не имеющего сил выбраться из пучины зла, в которую сам себя вверг. Единственное, на что может надеяться грешный человек, это милосердие Божие. Здесь сопряжены евангельские образы и мотивы с образами ветхозаветных пророческих книг, и прежде всего Псалтири (Пс. 4, 6, 12, 24, 30, 50, 90, 138 и др.). Объединяющую функцию выполняет образ стихии, поглощающей человека (вода, мрак, грех), что обусловлено вечерним положением молитвы в суточном богослужебном круге. Литургический эсхатологизм здесь, с одной стороны, воплощен в индивидуально-футуристическом мотиве «страшного часа»: «Царю небеси и земля, Христе, отверзи ми двери вѣчныя жизни, Чиномъ мя причти, Милостиве, избранныхъ Твоихъ овцахъ». С другой стороны, эта тема приобретает универсальное звучание благодаря акростишному строению молитвы.

УНИВЕРСАЛЬНО-ЭСХАТОЛОГИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА ФОРМЫ АКРОСТИХА

Согласно теории словесного искусства, которая поддерживалась авторитетом Дионисия Ареопагита, Иоанна Экзарха и была принята Русью, нельзя было уделять особое внимание таким признакам текста, которые по отношению к смыслу были внешними и относились к художественной форме произведения. Однако форма акростиха не рассматривалась как внешнее украшение. Когда при переводе с греческого на церковнославянский язык форма акростиха утрачивалась, переводчики указывали на акростишное строение оригинала [20, с. 81–83]. Акростих с древнейших времен воспринимался как «своеобразная эстетическая и даже онтологическая категория, квинтэссенция истины и гармонии» [12, с. 9].

В алфавитном же акростихе скрывался двойной смысл, воспринятый христианством из традиции Ветхого Завета. С одной стороны, алфавит осмысливался как результат Божественного откровения, как «вместилище неизреченных тайн» [1, с. 201]. Завершенный, замкнутый ряд первоэлементов (букв) является как бы отражением целостного, завершенного и в то же время

---

⁴ Текст «Азбуковника» написан под непосредственным влиянием акростишного «Пролога о Христе» свт. Константина, епископа Преславского, и ориентирован на последовательность букв в глаголической азбуке [14, с. 310].

бесконечного мироздания. С другой стороны, азбука в акростихе играет роль заранее заданного организующего начала текста, что тесно связано с христианским понятием предвечного Логоса, Слова Божия – организующего начала во всем мире. Один из наиболее ранних образов книги (упорядоченного сочетания слов, букв) как воплощения человеческой жизни и Божественного Замысла о ней мы находим в Псалтири: «Да потребятся от книги живых, и с праведными да не напишутся» (о грешниках, Пс. 68: 29); «Не утаися кость моя от Тебе, юже сотворил еси в тайне, и состав мой в преисподних земли. Несоделанное мое видесте очи Твои, и в книзе Твоей вси напишутся: во днех созиждутся и никтоже в них» (Пс. 138: 15–16.). В Новом Завете образ «небесных книг» получает исключительное значение в Апокалипсисе Иоанна Богослова [5]. Интересно, что в Ярославском часослове этот образ появляется в следующей за «Азбуковником» молитве, также предназначенной для пения: «А се пѣти от срѣдокрѣстия: Крѣсту Твоему водружешюся на земли душа праведныхъ радовахуся. Небо прѣстоли судища поставляються, и въпросныя книги отверзаются...» (л. 210).

Универсальный образ книги, где запишутся имена праведников (Лк. 10: 20), символ трансцендентной тайны («Итак напиши, что ты видел, и что есть, и что будет после сего» [Откр. 1: 19]), оформляет эсхатологическую направленность молитвенного текста. Он же определяет кумулятивное строение его сюжета. В традиции всей восточнохристианской гимнографии внутренний сюжет «Азбуковника» выстроен на приеме перечисления, комбинирования молитвенных формул, что, как справедливо указывает С. С. Аверинцев, не является исключительно признаком формы, но «создает особую «космическую» перспективу» [1, с. 437].

Сам по себе прием перечисления обладает особой семантикой. Можно вполне согласиться с А. Г. Волковой в том, что «во-первых, те явления, вещи, описания, которые рядоплагаются в одном списке, осознаются автором <...> как взаимосвязанные. Во-вторых, данные взаимосвязи представляют собой попытку осмысления мира как целого» [11, с. 6; 13]. Семантика целостности и полноты, присущая образу мира как книги, перечня, каталога [21, с. 78–79; 26, с. 173–187], в полной мере присуща древнеславянскому тексту.

Диалоговая природа богослужения (в том числе и частного) предполагает неразрывную связь молитвы и чтения текстов Св. Писания, слова которого становятся (должны становиться) «содержанием жизни» [4, с. 26] молящегося. Новозаветные и ветхозаветные образы и скрытые цитаты, вплетенные в текст молитвы, организуют эсхатологическое пространство «беседы», в которой участвуют ангелы и Сам Господь: «Иные же хвалятся, что беседуют с великими, с князьями и царями; ты же будешь хвалиться перед ангелами Божиими, беседа со Святым Духом через Божественное Писание, ибо Святой Дух говорит через него» («Слово о терпении Иоанна Златоуста») [Цит. по: 24, с. 39–40]. Ассоциативная контаминация различных источников создает вокруг молящегося сложную, но упорядоченную «мозаичную картину сакральной действительности» [17], сложный, но гармоничный образ мира, осмысленного и пронизанного милосердием Божиим, в эсхатологической перспективе. «Герменевтический круг» веры и понимания [24,

с. 38] осуществляет молитвенный диалог с Богом в универсальном хронотопе, где и прошлое, и будущее есть настоящее, где все «существует в вечности» (М. М. Бахтин).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, покаянная молитва «Азбуковникъ», входящая в состав Ярославского часослова (XIII в.), относится к периоду, знаменующему начало славянской гимнографии, когда оформляется ее преемственность по отношению к восточнохристианской литургической традиции. Акростишное строение молитвы «Азбуковникъ» имеет внутреннюю семантику целостности и полноты. В традиции всей восточнохристианской гимнографии, внутренний сюжет «Азбуковника» выстроен на приеме перечисления, комбинирования молитвенных формул, что создает «космическую перспективу» (С. С. Аверинцев) всего текста. Универсальный образ книги, где запишутся имена праведников, символ трансцендентной тайны, оформляет его эсхатологическую направленность. Идея диалога, предстояния пред Лицом Божиим и эсхатологической полноты Богообщения определяет содержание молитвенного текста «Азбуковник». В целом литургическая эсхатология и соборный характер личности молящегося находят воплощение в каждом конкретном служебном тексте, независимо от общественного или частного характера богослужения.

Список литературы

1. Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. – СПб.: Азбука-классика, 2004. – 408 с.
2. Александр Шмеман, протопр. Введение в литургическое богословие. – Париж: YMCA-PRESS, 1961. – 248 с.
3. Александр Шмеман, протопр. Евхаристия – Таинство Царства // Литургическое богословие отца Александра Шмемана. – СПб.: Библиополис, 2006. – 438 с.
4. Алексеев А. А. Монастырь и Священное Писание // Монастырская культура: Восток и Запад / Сост. Е. Г. Водолазкин. – СПб.: Наука, 1999. – С. 24–30.
5. Андросова В. А. Небесные книги в Апокалипсисе Иоанна Богослова // Православная энциклопедия «Азбука веры» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://azbyka.ru/otechnik/Biblia/nebesnyeknigi-v-apokalipsise-ioanna-bogoslova/>.
6. Афанасьева Т. И. Литургии Иоанна Златоуста и Василия Великого в славянской традиции (по служебникам XI–XV вв.). – М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. – 448 с.
7. Брэдшоу Д. Божественная литургия как мистический опыт // Философия религии: альманах. – 2015. – № 2014–2015. – С. 106–123.
8. Брэдшоу Д. Христианский подход к философии времени // Металарадигма. Альманах: богословие, философия, естествознание. – 2015. – Вып. 6. – С. 70–78.
9. Булгаков С. В. Настольная книга священнослужителя // Православная энциклопедия «Азбука веры» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Pravoslavnoe_Bogoslužhenie/nastolnaja-kniga-svjashennosluzhitelja/13.
10. Василик В. В. О болезни и смерти Владимиро-Волынского князя Владимира Васильковича. Некоторые медицинские, гомилетические и литургические наблюдения // Русин. – 2015. – № 1 (39). – С. 51–68.
11. Волкова А. Г. Языковая репрезентация события: Прием перечисления в византийской церковной поэзии // Язык и культура / Национальный исследовательский Томский государственный университет. – 2014. – № 4 (28). – С. 5–16.
12. Гогешвили А. А. Акростих в «Слове о полку Игореве» и других памятниках русской письменности XI–XIII вв. – М., 1991. – 204 с.

13. Демин А. С. Перечисление как литературное творчество (по памятникам XI – начала XII в.) // Демин А. С. О древнерусском литературном творчестве. Опыт типологии с XI по середину XVIII в. от Илариона до Ломоносова / Отв. ред. В. П. Гребенюк. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – С. 67–82.
14. Зыков Э. Г. Русская переделка древнеболгарского стихотворения // Труды Отдела древнерусской литературы / Академия наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом); Отв. ред. Д. С. Лихачев. Т. 28. – Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1974. – С. 308–316.
15. Иларион (Алфеев), митр. Православное богослужение как школа богословия и богомыслия // Православная энциклопедия «Азбука веры» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://azbyka.ru/m-pravoslavnoe-bogosluzhenie-kak-shkola-bogosloviya-i-bogomyслия>.
16. Иоанн Мейендорф, протопр. Византийское богословие. Исторические тенденции и доктринальные темы // Православная энциклопедия «Азбука веры» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://azbyka.ru/otchnik/Ioann_Mejendorf/vizantijskoe-bogoslovie-istoricheskie-tendentsii-i-doktrinalnye-temy/.
17. Кириллин В. М. Кирилл Туровский [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.portal-slovo.ru/philology/>.
18. Корнышева И. Р. Аксиологическая оценка эстетики православного храма // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Философские науки. – 2016. – № 3 (19). – С. 62–68.
19. Максим Исповедник, прп. Вопросы и затруднения. Quaestiones et dubia / Вступ. статья, пер. и комм. П. К. Доброцветова. – М.: Паломник, 2008. – 304 с.
20. Матхаузерова С. Древнерусские теории искусства слова. – Praha: Univ. karlova, 1976. – 145 с.
21. Михайлов А. В. Избранное. Завершение риторической эпохи. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 2007. – 480 с.
22. Осокина Е. А. Проблемы соотношения гимнографии и агиографии на память княгини Ольги: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. М.: ИМЛИ РАН, 1995. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/problemy-sootnosheniya-gimnografii-i-agiografii-na-pamyat-knyagini-olgi#ixzz4b6d8DfXk>.
23. Павел Флоренский, свящ. Храмовое действо как синтез искусств // Священник Павел Флоренский. Сочинения: В 4-х тт. Т. 2. Работы 1909–1933 гг. – М.: Мысль, 1996. – С. 370–382.
24. Романчук Р. Lectio Divina: монашеское чтение на Востоке и на Западе // Монастырская культура: Восток и Запад / Сост. Е. Г. Водолазкин. – СПб.: Наука, 1999. – С. 36–43.
25. Роменская Л. А., Кинаш Л. А. Духовные доминанты богослужебного пения: философско-культурологический дискурс // Практико-ориентированная направленность народно-певческого образования. Сборник материалов Всероссийского научно-методического семинара / Ответственные за выпуск О. Я. Жирова, О. В. Логвинова. – Белгород, 2017. – С. 69–74.
26. Сазонова Л. И. Поэзия русского барокко (вторая половина XVII – нач. XVIII в.) / АН СССР, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. – М.: Наука, 1991. – 261 с.
27. Сказания о начале славянской письменности / Вступ. ст., пер. и коммент. Б. Н. Флори. – М.: Наука, 1981. – 200 с.
28. «Слово о церковнем сказании» // Афанасьева Т. И. Древнеславянские толкования на литургию в рукописной традиции XII – XVI вв.: исследования и тексты. – М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2012. – С. 332–337.
29. Соболевский А. И. Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии // СОРЯС. – Т. 88. – № 3. – СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1910. – 297 с.
30. Срезневский И. И. Материалы для Словаря древне-русского языка по письменным памятникам. – Т. 1. А–К. – СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1893. – 1420 стб., 49 с.
31. Срезневский И. И. Материалы для Словаря древне-русского языка по письменным памятникам. – Т. 3. Р–Я и дополнения. – СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1912. – 1684 стб., 272 стб., 13 с.
32. Турилов А. А. Азбучные стихи // Православная энциклопедия. – Т. 1: А – Алексей Студит. – М.: Церковно-научный центр Русской православной церкви «Православная энциклопедия», 2000. – С. 333.
33. Успенский Л. А. Богословие иконы Православной Церкви. – М.: Дарь, 2008. – 480 с.

34. Федотова Р. А. Понятие «литургическое пространство» и его связь с теорией искусства // *Классика в искусстве сквозь века*. – СПб.: СПбГУ, 2015. – С. 83–92.
35. Щепалина Е. А. Протоиерей Сергей Булгаков и отец Александр Шмеман об Евхаристии (литературоведческое осмысление) // *XX Иоанновские чтения: материалы научной конференции, посвященной памяти Высокопреосвященнейшего Иоанна, митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского / сост.: О. И. Радченко, М. В. Бровякова*. – Самара: ООО «Научно-технический центр», 2016. – С. 90–101.
36. Mareš F. V. Azbučna basen z rukopisu Statni veřejne knihovny Saltykova-Sčedrina v Leningrade // *Slovo*. – Zagreb, 1964. – № 14. – p. 5–24.

Bedina N. N. The Acrostic Prayer "Azbukovnik" in the Liturgical Tradition Context // *Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology*. – 2018. – Vol. 4 (70). – № 1. – P. 155–167.

The general theological characteristics of Christian worship are eschatology and conciliarity. It initially determined the key properties of the liturgical text chronotope. The any Services, including private prayer, bears a imprint of the "Sacrament meeting" where the "co-Ministry" principle has the eschatological perspective. The penitential prayer "Azbukovnik" is a part of Yaroslavl Horologium (XIII). It referred to the period that marked the beginning of the Slavic hymnography. At that time its continuity with respect to the Eastern Christian liturgical tradition was formalized. The acrostic structure of the prayer "Azbukovnik" has the internal semantics of integrity and completeness. The generalized image of a book, where the names of the righteous will be recorded, as a symbol of transcendent mystery draws the eschatological orientation of the prayer text. It also determines the cumulative structure of his plot. Belonging to the Eastern Christian hymnography tradition, the internal plot of "Azbukovnik" reposes on the enumeration, the combination of prayer formulas. As S. S. Averintsev rightly wrote, it "creates a special "cosmic" perspective". The prayer dialogue with God is in the generic chronotope, where the past and the future are the present. Liturgical eschatology finds expression in a particular prayer text, regardless of public or private worship.

Keywords: Eastern Christianity, eschatology, Liturgy, hymnography.

References

1. Averintsev S. S., *Poetika rannevizantiiskoi literatury* [The Poetics of Early Byzantine Literature]. St. Petersburg, Azbuka-klassika, 2004, 340 p.
2. Aleksandr Shmeman, *protopr., Vvedenie v liturgicheskoe bogoslovie* [The Introduction to Liturgical Theology]. Parizh, YMCA-PRESS, 1961, 248 p.
3. Aleksandr Shmeman, *protopr., Evkharistiya – Tainstvo Tsarstva* [Eucharist is Sacrament of the Kingdom]. *Liturgicheskoe bogoslovie ottsa Aleksandra Shmemana* [The Liturgical Theology of Father Alexander Schmemann], St. Petersburg, Bibliopolis, 2006, 438 p.
4. Alekseev A. A., *Monastyr' i Svyashchennoe Pisanie* [Monastery and Sacred Scripture]. *Monastyrskaya kul'tura: Vostok i Zapad* [Monastic culture: East and West], St. Petersburg, Nauka, 1999, p. 24 – 30.
5. Androsova V. A., *Nebesnye knigi v Apokalipsise Ioanna Bogoslova* [Heavenly Books in the Apocalypse of John the Divine] URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Biblia/nebesnye-knigi-v-apokalipsise-ioanna-bogoslova/> (Accessed: 10 September 2017)
6. Afanas'eva T. I., *Liturgii Ioanna Zlatousta i Vasiliya Velikogo v slavyanskoi traditsii (po sluzhebnykam XI–XV vv.)* [Liturgy of John Chrysostom and Basil the Great in the Slavic Tradition (According to the Service Books of the 11th-15th Centuries)], Moscow, Russkii Fond Sodeistviya Obrazovaniyu i Nauke, 2015, 448 p.
7. Bredshou D., *Bozhestvennaya liturgiia kak misticheskii opyt* [The Divine Liturgy as a Mystical Experience]. *Filosofiya religii: al'manakh* [Philosophy of Religion: Almanac], 2015, № 2014–2015, P. 106–123.
8. Bredshou D., *Khristianskii podkhod k filosofii vremeni* [Christian Approach to the Philosophy of Time]. *Μεταπαράδιγμα. Al'manakh: bogoslovie, filosofiya, estestvoznaniye* [Μεταπαράδιγμα. Almanac: Theology, Philosophy, Natural Science], 2015, Vol. 6, p. 70–78.

9. Bulgakov S. V., *Nastol'naya kniga svyashchennosluzhitelya* [Handbook of the clergyman], URL: https://azbyka.ru/otechnik/Pravoslavnoe_Bogoslužhenie/nastolnaja-kniga-svjashchennosluzhitelja/13 (Accessed: 10 September 2017)
10. Vasilik V. V., *O bolezni i smerti Vladimiro-Volynskogo knyazya Vladimira Vasil'kovicha. Nekotorye meditsinskie, gomileticheskie i liturgicheskie nablyudeniya* [On the Illness and Death of Volodymyr-Volyn Prince Vladimir Vasilkovich. Some Medical, Homiletical and Liturgical Observations]. *Rusin [Rusyn]*, 2015, № 1 (39), p. 51–68.
11. Volkova A. G., *Yazykovaya reprezentatsiya sobytiya: Priem perechisleniya v vizantiiskoi tserkovnoi poezii* [Language Representation of the Event: Reception of Enumeration in Byzantine Church Poetry]. *Yazyk i kul'tura* [Language and Culture], 2014, № 4 (28), p. 5–16.
12. Gogeshvili A. A., *Akrostikh v «Slove o polku Igoreve» i drugih pamyatnikakh russkoi pis'mennosti XI–XIII vv.* [Acrostic in the "Lay of Igor's Host" and Other Monuments of Russian Writing in the 11th-13th centuries], Moscow, 1991, 204 p.
13. Demin A. S., *O drevnerusskom limteraturnom tvorchestve. Opyt tipologii s XI po seredinu XVIII v. ot Ilariona do Lomonosova* [On the Old Russian limitaramnom Creativity. Experience of Typology from the XI to the Middle of the XVIII Century. From Hilarion to Lomonosov], Moscow, *Yazyki slavyanskoi kul'tury*, 2003, p. 67–82.
14. Zykov E. G., *Russkaya peredelka drevnebolgarskogo stikhotvoreniya* [Russian rework of the Old Bulgarian poem]. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* [Proceedings of Department of Old Russian Literature], Vol. 28, Leningrad, Nauka, Leningradskoe otdelenie, 1974, p. 308–316.
15. Ilarion (Alfeev), mitr., *Pravoslavnoe bogoslužhenie kak shkola bogosloviya i bogomyслиya* [Orthodox Worship as a School of Theology], URL: <https://azbyka.ru/m-pravoslavnoe-bogoslužhenie-kak-shkola-bogosloviya-i-bogomyслиya> (Accessed: 10 September 2017)
16. Ioann Meiendorf, protopr., *Vizantiiskoe bogoslovie. Istoricheskie tendentsii i doktrinal'nye temy* [Byzantine theology. Historical Trends and Doctrinal Themes], URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Mejendorf/vizantiiskoe-bogoslovie-istoricheskie-tendentsii-i-doktrinalnye-temy/ (Accessed: 10 September 2017)
17. Kirillin V. M., Kirill Turovskii [Kirill Turovsky], URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/> (Accessed: 10 September 2017)
18. Kornysheva I. R., *Aksiologicheskaya otsenka estetiki pravoslavnogo khrama* [Axiological assessment of the aesthetics of the Orthodox church]. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Moscow City Pedagogical University], Ser. Filosofskie nauki, 2016, № 3 (19), p. 62 – 68.
19. Maksim Ispovednik, *Voprosy i zatrudneniya. Quaestiones et dubia* [Questions and difficulties. Quaestiones et dubia], Moscow, Palomnik, 2008, 304 p.
20. Matkhauzerova S., *Drevnerusskie teorii iskusstva slova* [Old Russian Theories of Word Art], Praha, Univ. karlova, 1976, 145 p.
21. Mikhailov A. V., *Izbrannoe. Zavershenie ritoricheskoi epokhi* [Favorites. Completion of the rhetorical era], St. Petersburg, Izd-vo Sankt-Peterburg. un-ta, 2007, 480 p.
22. Osokina E. A., *Problemy sootnosheniya gimnografii i agiografii na pamyat' knyagini Ol'gi* [Problems of the Ratio of Hymnography and Hagiography to the Memory of Princess Olga], Extended abstract of candidate's thesis, Moscow, 1995. URL: <http://www.disscat.com/content/problemy-sootnosheniya-gimnografii-i-agiografii-na-pamyat-knyagini-olgi#ixzz4b6d8DfXk> (Accessed: 10 September 2017)
23. Pavel Florenskii, svyashch., *Khramovoe deistvo kak sintez iskusstv* [Temple Action as Arts Synthesis]. Pavel Florenskii, svyashch., *Sochineniya* [The Works], Vol. 2, Moscow, Mysl', 1996, p. 370–382.
24. Romanchuk R., *Lectio Divina: monasheskoe chtenie na Vostoke i na Zapade* [Lectio Divina: Monastic Reading in the East and the West]. *Monastyr'skaia kul'tura: Vostok i Zapad* [Monastic culture: East and West], Saint Petersburg, Nauka, 1999, p. 36–43.
25. Romenskaya L. A., Kinash L. A., *Dukhovnye dominanty bogoslužhebnogo peniya: filosofsko-kul'turologicheskii diskurs* [Spiritual Dominants of Liturgical Singing: Philosophical and Cultural Discourse]. *Praktiko-orientirovannaya napravlennost' narodno-pevcheskogo obrazovaniya. Sbornik materialov Vserossiiskogo nauchno-metodicheskogo seminara* [Practically Oriented Direction of Folk-Singing Education], Belgorod, 2017, p. 69–74.
26. Sazonova L. I., *Poeziya russkogo barokko (vtoraya polovina XVII – nach. XVIII v.)* [Poetry of the Russian Baroque (Second Half of the 17th - Early 18th Century)], Moscow, Nauka, 1991, 261 p.

27. Skazaniya o nachale slavyanskoi pis'mennosti [Legends about the Beginning of the Slavonic Script], Moscow, Nauka, 1981, 200 p.
28. «Slovo o tserkovnem skazanii» [The Word about the Church Legend]. T. I. Afanas'eva, Drevleslavyanskii tolkovaniya na liturgiyu v rukopisnoi traditsii XII – XVI vv.: issledovaniya i teksty [Drevleslavian Interpretations of the Liturgy in the Handwritten Tradition of the XII–XVI Centuries: Studies and Texts], Moscow, Russkii Fond Sodeistviya Obrazovaniyu i Nauke, 2012, p. 332–337.
29. Sobolevskii A. I., Materialy i issledovaniya v oblasti slavyanskoi filologii i arkheologii [Materials and Research in the Field of Slavic Philology and Archeology], St. Petersburg, Tip. Imperatorskoi Akademii nauk, 1910.
30. Sreznevskii I. I., Materialy dlya Slovarya drevne-russkago yazyka po pis'mennym pamyatnikam [Materials for the Dictionary of the Old Russian Language from Written Texts], Vol. 1, St. Petersburg, Tip. Imperatorskoi Akademii nauk, 1893, 1420 c., 49 p.
31. Sreznevskii I. I., Materialy dlya Slovarya drevne-russkago yazyka po pis'mennym pamyatnikam [Materials for the Dictionary of the Old Russian Language from Written Texts], Vol. 3, St. Petersburg, Tip. Imperatorskoi Akademii nauk, 1912, 1684 c., 272 c., 13 p.
32. Turilov A. A., Azbuchnye stikhi [Alphabet poetry]. Pravoslavnaya entsiklopediya [Orthodox Encyclopedia], Vol. 1, Moscow, Tserkovno-nauchnyi tsentr Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi "Pravoslavnaya Entsiklopediya", 2000, p. 333.
33. Uspenskii L. A., Bogoslovie ikony Pravoslavnoi Tserkvi [Theology of the Icon of the Orthodox Church], Moscow, Dar, 2008, 480 p.
34. Fedotova R. A., Ponyatie «liturgicheskoe prostranstvo» i ego svyaz' s teoriei iskusstva [The Concept of "Liturgical Space" and Its Connection With the Theory of Art]. Klassika v iskusstve skvoz' veka [Classics in Art through the Ages], St. Petersburg, SPbSU, 2015, p. 83–92.
35. Shchepalina E. A., Protoierei Sergii Bulgakov i otets Aleksandr Shmeman ob Evkharistii (literaturovedcheskoe osmyslenie) [Archpriest Sergius Bulgakov and Father Alexander Schmemmann on the Eucharist (Literary Criticism)]. XX Ioannovskie chteniya [XX Ioann's readings], Samara, Nauchno-tekhnicheskii tsentr, 2016, p. 90–101.
36. Mareš F. V., Azbučna basen z rukopisu Statni veřejne knihovny Saltykova-Sčedrina v Leningrade. Slovo, Zagreb, 1964, № 14, p. 5–24.